

**АКТИВИЗАЦИЯ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА В РУССКОМ И
УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ XXI ВЕКА**

*Хошимова Мадинабону Хакимжон кизи,
преподаватель Андиганского государственного
института иностранных языков, кафедры
теории русского языка и переводоведения*

khoshimovamadina04@gmail.com

*Алтмишева Ёркиной Мажидовна
доцент (PhD) Андиганского государственного
института иностранных языков, кафедры
теории русского языка и переводоведения*

majidovna@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируется активизация словопроизводства в русском и узбекском языках XXI века в сопоставительном аспекте. Показано, что ускоренное обновление лексики обусловлено глобализацией, цифровизацией, изменением медиакоммуникации и ростом терминологических потребностей. Описываются продуктивные словообразовательные механизмы (аффиксация, словосложение, аббревиация, контаминация, конверсия/сдвиги частей речи), пути включения заимствованных основ в деривационные системы, а также изменения в продуктивности формантов. Выявляются типологически обусловленные различия: русская флективная система демонстрирует повышенную деривационную вариативность и экспрессивность, тогда как узбекская агглютинативная система — регулярность, прозрачность и высокую предсказуемость аффиксальных значений. Особое внимание уделено нормативной оценке неологизмов и социолингвистическим параметрам их закрепления.*

Ключевые слова: словопроизводство, словообразование, деривация, продуктивность, неологизм, заимствование, русский язык, узбекский язык, XXI век, языковая норма.

Тенденция к активизации словопроизводства в XXI веке выступает одним из наиболее явных признаков ускоренной языковой динамики и проявляется в интенсивном образовании новых единиц, расширении словообразовательных гнезд, росте конкурентности моделей и появлении гибридных способов номинации. В современном обществе именно лексика и деривационная подсистема реагируют на изменения быстрее других уровней языка, поскольку они обслуживают прямой запрос коммуникации: назвать новое, различить близкие феномены, выразить оценку, зафиксировать социальную роль и статус, маркировать принадлежность к профессиональной или возрастной группе [3, с. 15–17]. При этом активизация словопроизводства представляет собой не хаотическое «нарастание неологизмов», а системный процесс, где новые слова образуются в опоре на существующие модели, форманты и словообразовательные типы, а изменения продуктивности поддаются описанию в терминах нормы, узуса и функциональной востребованности [2, с. 91–94].

Сопоставление русского и узбекского языков позволяет увидеть, как сходные экстралингвистические стимулы реализуются различными средствами, обусловленными типологией языков. Русский язык, будучи флективным, располагает разветвленной системой словообразовательных средств, где границы между морфемами и словообразовательными значениями нередко оказываются подвижными, а одна и та же семантика может выражаться несколькими конкурирующими формантами и моделями [6, с. 42–45]. Узбекский язык, являясь агглютинативным, напротив, опирается на линейную аффиксацию и относительно стабильные значения формантов, благодаря чему неологизмы чаще сохраняют «прозрачную» структуру и легче включаются в словообразовательные ряды [9, с. 54–56]. В XXI веке эти

системные различия не исчезают, но проявляются особенно ярко, поскольку общий темп обновления лексики возрастает и активируются «пограничные» зоны языка — терминология, медийная речь, интернет-коммуникация, молодежный дискурс.

Экстралингвистические факторы активизации словопроизводства в обоих языках сходны: технологическая революция (цифровые платформы, сетевые сервисы, дистанционные практики), изменения экономики (новые формы занятости, предпринимательства, финансовых инструментов), трансформация культурной сферы и медиа (новые форматы контента, жанры, институции), усиление контактов с глобальным информационным пространством [5, с. 67–69]. Однако пути языковой «реакции» различаются. В русском языке заметна высокая роль стилистически маркированного словотворчества, в том числе игрового: новые слова быстро входят в узус через интернет и медиа, демонстрируя экспрессивность и оценочность, а затем часть из них проходит стадию стабилизации и кодификации [8, с. 73–75]. В узбекском языке существенным каналом обновления является терминологическая и общественно-публицистическая сфера: новые понятия требуют регулярных номинаций, которые обычно строятся по прозрачным аффиксальным моделям, согласованным с внутренними ресурсами языка [10, с. 88–90].

Русская деривационная система XXI века характеризуется ростом продуктивности ряда суффиксов и формантов, обслуживающих социально значимые номинации. Одним из заметных направлений становится образование названий лиц по занятиям, ролям и типам поведения, где работают как традиционные суффиксы (например, модели со значением лица/носителя признака), так и новые или переосмысленные форманты, активно участвующие в медийном и сетевом дискурсе. Важно, что в современной речи усиливается конкуренция «книжных» и «разговорно-медийных» способов номинации: официально-терминологические образования сосуществуют с

разговорными, оценочными и ироническими, и именно эта конкуренция часто повышает продуктивность словообразовательных гнезд [2, с. 145–148]. Параллельно растет роль абстрактных существительных, фиксирующих процессы, практики и «социальные технологии»: востребованы модели, позволяющие именовать явления как процессы, режимы, тенденции, что поддерживает продуктивность отвлеченных формантов и словообразовательных типов [7, с. 112–115].

Нельзя не отметить и специфику заимствованной базы. Заимствования выступают мощным стимулом словопроизводства прежде всего потому, что они не только пополняют словарь готовыми единицами, но и создают новые основы, вокруг которых формируются деривационные ряды. В русском языке заимствованные основы нередко демонстрируют высокую словообразовательную активность: они быстро вступают в отношения производности, формируя цепочки производных и тем самым «встраиваясь» в словообразовательные гнезда. При этом возможны два сценария: либо заимствование активно осваивается русскими формантами, либо сохраняет «следы» словообразовательных привычек языка-источника, что приводит к гибридизации и расширяет арсенал моделей [4, с. 94–96]. В результате повышается вариативность и появляется конкуренция вариантов — как графических/фонетических, так и словообразовательных, что является важным индикатором активизации словопроизводства.

В русском языке заметна также активность сокращения и аббревиации, тесно связанная с медиакоммуникацией и бюрократико-деловой сферой. Сокращенные единицы часто становятся базой вторичной деривации: аббревиатуры и усечения превращаются в производящие основы, к которым присоединяются суффиксы, формируются прилагательные и существительные со значением принадлежности, участника, практики. Этот процесс повышает деривационную емкость языка и обеспечивает быстрые номинации в условиях информационного «ускорения» [5, с. 113–116]. На стыке сокращения и

словосложения возникают новые гибридные структуры, где экономия выражения сочетается с высокой семантической плотностью. В русской традиции подобные процессы описываются как проявление тенденции к компрессии и к формированию новых словообразовательных типов в современном узусе [3, с. 22–24].

Отдельного внимания заслуживает экспрессивное и оценочное словотворчество, усилившееся в XXI веке благодаря интернету. Сетевая речь задает особый режим существования неологизмов: они распространяются быстро, часто остаются кратковременными, но при этом запускают механизмы модели и стимулируют продуктивность формантов. В результате активизируются «оценочные» суффиксы и словообразовательные приемы, связанные с иронией, снижением, гиперболизацией, маркированием групповой идентичности [8, с. 88–90]. Важно, что даже если конкретное слово не закрепляется надолго, закрепляется модель, а значит — меняется словообразовательная динамика в целом. Таким образом, активизация словопроизводства проявляется не только в количестве устойчивых неологизмов, но и в росте модельной энергии системы.

Узбекский язык в XXI веке демонстрирует активизацию словопроизводства прежде всего через расширение сфер функционирования традиционных аффиксов и усиление терминологического словотворчества. Агглютинативный характер узбекской морфологии обеспечивает предсказуемость деривации: суффиксы обладают относительно стабильными значениями, а линейность присоединения формантов способствует тому, что новые слова легко «расшифровываются» носителями языка и быстрее осваиваются в узусе [9, с. 103–106]. Особенно продуктивны модели образования названий лиц, видов деятельности, носителей признака, а также отвлеченных существительных и обозначений качеств/свойств. В условиях расширения общественно-политической и экономической лексики возрастают потребности в регулярных номинациях, и узбекский язык отвечает на это

усилением аффиксальной деривации на базе как исконных, так и заимствованных основ [10, с. 131–134].

Адаптация заимствований в узбекском языке имеет важное сопоставительное значение. Если в русском языке заимствованные элементы нередко сохраняют заметную «иноязычность» на ранних стадиях и параллельно существуют в нескольких вариантах, то в узбекском языке наблюдается тенденция к более быстрому морфологическому «присвоению» заимствованных основ посредством национальных аффиксов. Заимствование становится производящей основой, к которой присоединяются регулярные форманты, формируются производные с прозрачной структурой, а слово постепенно включается в типичные словообразовательные ряды [11, с. 59–61]. Это повышает системность обновления и снижает конфликтность между узусом и нормой, хотя вопрос нормативной оценки новых единиц в узбекском языке также актуален, особенно в сфере терминологии и общественной коммуникации [11, с. 142–144].

Сопоставительный анализ показывает, что в обоих языках активизация словопроизводства тесно связана с ростом метаязыковой рефлексии общества: носители языка обсуждают новые слова, оценивают их «правильность», уместность и престижность. В русском языке эта рефлексия часто проявляется как конфликт «нормы и моды»: одни носители воспринимают неологизмы и заимствования как естественный ресурс развития, другие — как угрозу языковой традиции. Лингвистическая позиция в целом сводится к признанию объективности заимствований и неологизации при одновременном требовании функциональной оправданности и стилистической уместности, а также необходимости кодификации наиболее устойчивых единиц [4, с. 141–144]. В узбекском языке метаязыковая рефлексия чаще сопряжена с задачами терминологической упорядоченности и сохранения структурной цельности деривационной системы, что обусловлено как типологией языка, так и практиками языкового планирования [10, с. 95–98].

Важным показателем активизации словопроизводства является изменение продуктивности формантов и словообразовательных моделей. Для русского языка характерна повышенная «многообразность» механизмов: аффиксация сосуществует с активным словосложением, усечением, аббревиацией, контаминацией и различными гибридными способами, в результате чего один и тот же фрагмент действительности может быть назван разными средствами — от официально-терминологических до разговорно-иронических [2, с. 156–159]. В узбекском языке, при сохранении ведущей роли аффиксации, также наблюдаются процессы расширения модельного репертуара, особенно в сферах, где нужны компактные и быстрые номинации (медиа, интернет, реклама), однако эти процессы обычно стабилизируются через регулярные аффиксальные схемы и реже приводят к устойчивой многовариантности [9, с. 118–121].

Отдельного рассмотрения требует семантика производного слова в условиях XXI века. Новые реалии часто требуют не просто «названия предмета», а конструирования целых фрагментов социальной картины мира: обозначения практик, ролей, режимов, цифровых действий, типов контента и коммуникации. Это ведет к росту абстрактной и процессуальной лексики, а также к появлению производных слов, в которых семантика включает оценку, идеологическую позицию, групповую принадлежность. Таким образом, активизация словопроизводства отражает не только экономику номинации, но и когнитивные механизмы категоризации современного опыта [3, с. 31–34]. В русском языке это особенно заметно в медиадискурсе, где деривация нередко обслуживает полемику и оценку; в узбекском — в терминологических пластах и общественно-публицистической речи, где словообразование активно фиксирует новые институциональные и социальные реалии [10, с. 120–124].

Нормативный аспект активизации словопроизводства в XXI веке становится одним из ключевых: быстрый темп появления новых слов опережает кодификацию. В русском языке узус зачастую формирует

устойчивые единицы задолго до их фиксации в словарях, что порождает колебания в орфографии, словоизменении и словообразовательной сочетаемости, а также усиливает общественные дискуссии о «чистоте» языка [8, с. 73–75]. При этом сама языковая система демонстрирует способность перерабатывать новации: часть слов отмирает, часть закрепляется, а наиболее устойчивые элементы получают нормативное признание. В узбекском языке нормативные механизмы чаще ориентированы на структурную предсказуемость и регулярность аффиксации; по этой причине неологизмы при успешной адаптации быстрее становятся «своими» и реже сохраняют стилистическую или графическую нестабильность, хотя выбор оптимальных терминологических решений также может вызывать конкуренцию вариантов [11, с. 142–144].

В целом активизация словопроизводства в русском и узбекском языках XXI века является закономерным следствием ускорения общественного развития и трансформации коммуникации. Сопоставление показывает универсальные основания этого процесса — рост номинативных потребностей, влияние глобального информационного пространства, медиатизация речи, увеличение терминологического спроса, — и одновременно выявляет типологически обусловленные различия: в русском языке активизация выражается в повышенной вариативности и гибридизации деривационных средств, в узбекском — в расширении продуктивности традиционных аффиксов и в высокой структурной прозрачности новых образований. Эти результаты подтверждают, что словообразование не только обслуживает потребности называния, но и выступает механизмом адаптации языковой системы к новым когнитивным и социальным условиям, сохраняя при этом внутреннюю упорядоченность и системность [6, с. 118–121]. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется создание сопоставимых корпусов неологизмов русского и узбекского языков XXI века, анализ динамики продуктивности формантов на материале

медиаречи и интернет-коммуникации, а также изучение механизмов кодификации и нормативной стабилизации новых словообразовательных моделей в условиях ускоренной языковой эволюции [2, с. 173–176].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие. — 5-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2008. — 323 с.
3. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 198 с.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М.: Наука, 2008. — 384 с.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — СПб.: Златоуст, 2010. — 296 с.
6. Гак В. Г. Сравнительная типология языков. — М.: ЛКИ, 2007. — 280 с.
7. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Просвещение, 2003. — 255 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.
9. Раҳматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек тили. Сўз ясаши. — Тошкент: Фан, 2006. — 212 с.
10. Абдурахмонов Ғ. Ўзбек тилининг лексик тараққиёти. — Тошкент: Ўқитувчи, 2015. — 240 с.
11. Мамадалиев М. Ўзбек тилида неологизмлар. — Тошкент: Академнашр, 2019. — 180 с.